

УДК 791.43.03

ПЕРЕВОД СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТА КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ (ВЗГЛЯД А. Я. ГУРЕВИЧА)

Лихоманов К. В.

ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина», Саратов, Россия, (410054, Саратов, ул. Политехническая, 77), e-mail: AlisterOrm@gmail.com

В представленной статье на примере творчества историка-медиевиста А.Я. Гуревича рассматривается фундаментальная проблема гуманитарных наук – проблема перевода и литературного текста. Предпринята попытка выяснить различия методологических подходов историков и филологов, которые они применяли при интерпретации текста; каковы особенности подхода медиевистов к переводу литературных произведений эпохи Средневековья; в чем заключается роль истории культуры в вопросе адекватного понимания терминологии источника. В качестве примера автор рассматривает дискуссию, развернувшуюся в середине 1970-х гг. вокруг академического перевода эпической поэмы XIII в. «Песнь о Нибелунгах» (XIII в.), в которой принял участие историк А.Я. Гуревич. Автор, проанализировав ряд работ ученого, приходит к выводу о глубоких особенностях методологии истории культуры, рассматривающей литературное произведение как источник по истории представлений, ментальности и «картин мира». Эти элементы, по мнению А.Я. Гуревича, иногда игнорируются при переводах литературных произведений средневековья, что искажает их содержание. Эта работа, привлекающая ранее не исследуемые историографические источники, позволяет по-новому взглянуть на проблемы методологии истории культуры.

Ключевые слова: Арон Гуревич, Юрий Корнеев, «Песнь о Нибелунгах», история культуры, литература, перевод, текст, ментальность, диалог

TRANSLATION MEDIEVAL TEXT AS A PROBLEM OF CULTURAL HISTORY (THINK GUREVICH)

Lichomanov K. V.

«Saratov State Technical University n. a. Y. Gagarin», Saratov, Russia, (410054, Saratov, st. Polytechnique, 77), e-mail: AlisterOrm@gmail.com

In the present article, the example of art historian - medievalist Gurevich considered the fundamental problem of the humanities - the problem of translation and literary text. An attempt was made to find out the differences of methodological approaches of historians and philologists that they used in the interpretation of the text; What are the features of medievalists approach to translation of literary works of the Middle Ages; What is the role of cultural history in the issue of an adequate understanding of the terminology of the source. As an example, the author considers the discussion that took place in the mid-1970s. Academic translation around the XIII century epic poem. «Song of the Nibelungs» (XIII c.), Which was attended by the historian Gurevich. The author, after analyzing a number of papers a scientist finds the deep features of the methodology of the history of culture that considers a literary work as a source on the history of ideas, mentalities and "pictures of the world." These elements, according to Gurevich, sometimes ignored when translating literary works of the Middle Ages, which distorts their contents. This work, which attracts not previously studied historiographical sources allows for a fresh look at the problem of the methodology of cultural history.

Keywords: Aron Gurevich, Yuri Korneev, «Song of the Nibelungs», the history of culture, literature, translation, text mentality dialogue

Проблема текста уже несколько десятилетий остается в поле внимания ученых-гуманитариев. В исторической науке взгляды на его роли многообразны: от носителя информации до «посредничества» между культурами мышления. Признано, что средневековые литературные тексты, как ничто другое, отражают специфику мышления людей прошлого.

При этом все отмечают, что тексты, дошедшие до нас из далекого прошлого, написаны на другом языке, с иными грамматическими конструкциями и семиотическими значениями. Поэтому одна из первейших проблем исследователя – перевод текста в собственную знаковую систему. Литературные тексты представляют в таком случае определенную проблему. С одной стороны, безусловно, это исторический источник, с другой – произведение искусства. Переводчик при передаче литературных достоинств нередко заменяет «родные» языковые конструкции на более адекватные с точки зрения соответствия русскому языку, что, случается, искажает смысл произведения. Известный историк-медиевист, крупный специалист по средневековой культуре А.Я. Гуревич (1924–2006) предлагал работать с текстом иначе и даже развернул по этому поводу полемику со своим коллегой-скандинавистом М.И. Стеблиным-Каменским (1903–1981), а также с переводчиком знаменитой «Песни о Нибелунгах» Ю.А. Корнеевым.

О научном мировоззрении А.Я. Гуревича написан ряд работ. Еще при жизни ученого вышла монография немецкой исследовательницы Л. Шольце-Иррлиц «Новые очертания исторической антропологии: сравнительное исследование работ Жака Ле Гоффа и Арона Гуревича» [23]. Она стала одной из первых работ по изучению творчества этого историка не только в Европе, но и в мире. В постсоветское время в России вышло два сборника, посвященных этому деятелю науки, (2004 [1], 2011 [12]), чуть раньше в Бостоне также вышел подобный сборник [21]. Из обобщающих трудов отметим работу С.И. Лучицкой [11], в которой прорисовываются общие контуры научных интересов ученого, разнообразие проблематики и глубина проработки материала. Отдельные аспекты творчества А.Я. Гуревича освещаются также в ряде статей его коллег, вышедших в разные годы [2; 11; 15]. Несколько статей специально посвящено вкладу историка в науку, в частности – в развитие исторической антропологии и истории культуры в России [4; 9; 18]. Хотя в целом его наследие и методология пока остаются не изученными в должной мере.

В данной статье поставлена задача рассмотреть, каким образом А.Я. Гуревич подходил к проблемам перевода литературного произведения, разобраться в том, каким образом историк считал возможным использовать памятник литературы при изучении мировосприятия людей средневековья, и как дешифровка чужого языка превращалась для него в один из инструментов исследовательской методологии. Для анализа привлечен ряд работ А.Я. Гуревича: комментарии к «Песне о Нибелунгах», составленные историком к академическому изданию 1975 г. [3] «Средневековая литература и ее современное восприятие: О переводе “Песни о Нибелунгах”» (1976) [8], «Пространственно-временной континуум “Песни о Нибелунгах”» (1978) [7], а также одна из последних статей историка «“Время вывихнулось”: поругание умершего правителя» (2003) [5].

Напомним, что 1960–1970-е гг. была проведена большая работа по переводу основного корпуса литературных памятников раннего средневековья, включая германские и скандинавские. В этой работе принимал деятельное участие и А.Я. Гуревич, вступив в некоторого рода научную конфронтацию со своим старшим коллегой М.И. Стеблином-Каменским, который был одним из главных инициаторов перевода этих произведений на русский язык. Стоит напомнить, что М.И. Стеблин-Каменский – известный отечественный филолог, специалист по лингвистике скандинавских языков, автор одних из самых авторитетных работ по истории скандинавской литературы. Основной вопрос в споре филолога М.И. Стеблина-Каменского и историка А.Я. Гуревича касался восприятия того, каким образом искажается понимание средневекового текста при переносе в совершенно иную грамматическую и семантическую систему. М.И. Стеблин-Каменский, предлагая переводы исландской литературы, практически лишал ее комментариев, считал достаточным простую передачу ритмики и расшифровки поэтических конструкций – «кённингов» [15, с. 53–72].

По мнению А.Я. Гуревича, перевод литературного произведения должен преподносить прежде всего его художественные достоинства (здесь он согласен со Стеблином-Каменским), однако *«творение далёкой от нас эпохи вряд ли будет по достоинству оценено и понято правильно... без сугубого внимания переводчика и издателя к специфике средневекового сознания»* [8, с. 27]. Здесь историк высказывает мысль об особом статусе литературы как носителя мировоззрения его автора, или, скорее, как отражении его сознания.

А.Я. Гуревич пишет, что *«переводчик... не принимает во внимание того обстоятельства, что, обращаясь к средневековому тексту, он имеет дело... не с литературой... а с несравненно более обширной полифункциональной системой, в которой находили выражение и удовлетворение... иные потребности человека – от религиозных до бытовых»* [8, с. 71]. Таким образом, в глазах А.Я. Гуревича средневековый текст представляет собой не просто литературный памятник далекого прошлого, но одновременно отпечаток мышления его автора, опосредованно – картины мира, ментальности, социальной реальности. Внимания к этим моментам он и ждал от переводчиков.

Большая часть рассуждений А.Я. Гуревича связана с эпической поэмой «Песнь о Нибелунгах» и ее переводом на русский язык Ю.А. Корневым (1975 г.) [13]. Казалось важным для понимания сути аргументов обращаться как к этому переводу, так и к оригиналу [20]. Для выявления особенностей перевода мы обращались также к «классическому» переводу «Песни...» со старонемецкого языка на современный, выполненному К. Зимроком (1827 г.) [19].

Напомним, что «Песнь о Нибелунгах» (*Das Nibelungenlied*), созданная в XIII в., повествует о традиционном герое германского эпоса – Зигфриде Нидерландском. В центре внимания – история его женитьбы на сестре Бургундского короля Гунтера по имени Кримхильда. Завязка сюжета построена вокруг ссоры сестры и жены Гунтера, гибели Зигфрида при потворстве последней и последующей мести за него.

А.Я. Гуревич считает, что перевод «Песни...», сделанный Ю.А. Корнеевым, несмотря на профессионализм, нуждается во многих уточнениях. Об этом свидетельствует уже ряд примечаний, сделанных историком для издания 1975 г. Начнем с примечания по поводу, казалось бы, малозначащего в русском переводе выражения «Он о любви всё чаще мечтал день ото дня» [13, с. 21] (*Im rieten sine mage und andern sine wan sit er uf stete minne tragen wolde wan* [20, р. 7], (*Da sann auf hohe Minne Sieglindens Kind All der andern Werben war wider ihn wie Wind...* в переводе К. Зимрока [19, р. 31]). Данный отрывок посвящен Зигфриду, пришедшему в бургундскую столицу Вормс, чтобы просить руки у Кримхильды. А.Я. Гуревич обращает внимание на оригинальную конструкцию «*stete minne*», которую трудно перевести на русский вне контекста куртуазной литературы. Он пишет: «*Stete mine*» — «*служение рыцаря даме, которой он добровольно и охотно себя подчиняет, считая её своей госпожой... одухотворенная, возвышенная любовь*» [13, с. 327]. Следовательно, в строфе имеется в виду прежде всего платоническое чувство и куртуазное служение, не имеющее никакого отношения к браку и физической близости, о чем может заставить подумать перевод. Приводя оригинальную конструкцию, историк выводит на первый план не ее словарное значение или роль в сюжете, а ее внутреннее содержание, связанное с рыцарской культурой.

Важное примечание касается средневековой ритуальной символики. В строфе 315 «Песни...» появляется выражение, переведенное как «*Обоих государей заставьте слово дать*» [13, с. 55] (*ir goldes gerte nieman daz si da buten e da heim ir lieben friunden was nach den hermuden we* [20, р. 38] (*Vor feindlichem Reiten her in euer Land, Lasst euch zu Pfande geben der beiden Konige Hand* в переводе К. Зимрока [19, р. 63])). В данном случае идет речь о словах Зигфрида, произнесенных в беседе с Гунтером. Разговор касался мирного договора между воюющими бургундцами и датчанами, а также условий освобождения заложников. Гунтер обязан скрепить клятву мира словом и рукопожатием. По мнению историка, русский перевод абсолютно не отвечает содержанию: он игнорирует ритуальный жест рукопожатия, игравший огромную роль в заключении договоров: «*Здесь Корнеев ограничивается упоминанием слова, которое дал Гунтер, не замечая, что в тексте идёт речь о жесте, без которого обещание не имело бы законной силы*» [8, с. 74]. Нельзя не согласиться: речь идет о серьезном искажении текста. Герои песни в глазах тех, кто ее создавал, рыцари куртуазной

эпохи, взаимоотношения которых выстраивались в пространстве ритуальных жестов и поступков. Переводчик вновь не во всем вникает в контекст, культурно-социальную реальность, в рамках которой возникала запись эпического текста.

Третий пример. Ю.А. Корнеев переводит выражение *«hochgemuter recken»* (строфа 1506) (*Nu lassen wir es beleiben wie sy waren hie hochgemuter recken die gefuren nie* [20, p. 178]) (*So hochgemute Degen* в переводе К. Зимрока [19, p. 214]) как «богатые гости...» [13, с. 206]. А.Я. Гуревич в своей работе «Категории средневековой культуры», опубликованной за 3 года до выхода академического издания «Песни...», посвятил целую главу истолкованию неоднозначности этого понятия для человека средневековья [6, с. 213–223], которого переводчик не учел при работе над «Песнью...». Он пишет, что *«в это понятие входят аристократический образ жизни, внушающий окружающим почтение; умонастроение и нрав, присущие благородному; надменность и высокомерие... [это] служит не доказательством их богатства, а знаком их высокого социального статуса»* [8, с. 96]. Богатство в подобном толковании имеет не экономический смысл, а, скорее, играет роль признака социального статуса, имеющего, коммуникативную роль в среде знати.

Более сложным представляется вопрос о переводе, не позволяющем уловить нюансы времени, в котором жил автор произведения. В XIV авентюре «Песни...» содержится сцена ссоры королей Брюнхильды и Кримхильды, о которой упоминалось выше. Брюнхильда, жена Гунтера, говорит Кримхильде, супруге Зигфрида, в пылу спора, что *«тогда твой брат отвагой любовь мою стяжал, и Зигфрид мне признался, что он – простой вассал, а коли так, вассалом он должен и считаться»* [13, с. 119]. А. Я. Гуревич отмечает, что в оригинале содержится не слово «вассал» (*man*), а *«eigen man»* (дословно – «собственный человек»), т.е. скорее «слуга, холоп». По мнению историка, перевод существенно исказил картину конфликта между королевами: *«Термины eigen man, eigenholde встречаются во всей обширной поэме исключительно в приведенных сейчас местах, ни к кому, кроме Зигфрида, они не прилагаются. Как я уже подчеркивал ранее, люди низкого социального положения в круг обозрения поэта вообще не включались, тем резче и выразительнее на общем благородно-куртуазном фоне эпопеи должны были прозвучать эти клички-пощечины: “холоп”, “слуга”, “крепостной”, “раб”»* [8, с. 103]. Переводчик же невольно исказил ее смысл, который заключается в презрении к Зигфриду и его роду как к «холопам».

Итак, А.Я. Гуревич через комментарии существенно обогатил перевод, представил более точную картину средневекового мира, обратив внимание на особую роль жеста, специфику рыцарского служения даме, статусное место богатства и определение терминов разного рода.

Полемикой 1970-х гг. внимание А.Я. Гуревича к теме не ограничивается. В последующих работах он отталкивался от тех установок, которые сформулировал в работах тех лет, о каком бы литературном тексте ни шла речь. Ограничимся одним примером. В статье 2003 г. «“Время вывихнулось”»: поругание умершего правителя» историк обращается к «Гамлету» Шекспира. В ней исследуется специфическая форма восприятия времени в средневековье, а именно – отрезка времени между смертью какого-либо императора или Папы и избранием нового. По мнению А.Я. Гуревича, смерть сакрального носителя власти Господа воспринималось как разрыв в линии времени, своего рода его искажение, аннигиляция. В пьесе Шекспира присутствует выражение *«The time is out of joint. O cursed spite / That ever I was born to set it right!»* [22, р. 19], произнесенное принцем после смерти отца. Это выражение было по-разному переведено Б.Л. Пастернаком (*«Порвалась дней связующая нить / Как мне обрывки их соединить!»* [17, с. 152]) и М.В. Лозинским (*«Век расшатался — и скверней всего / Что я рожден восстановить его!»* [16, с. 48]). По мнению А.Я. Гуревича, ни один из этих переводов не передает в полной мере мысль, выраженную великим драматургом. Принц Датский воспринимает время в ином, более традиционном для средневековья ключе: *«Время в его глазах... “время правителя”, не представляет собой потока, равномерно движущегося из прошлого в будущее, или непрерывной нити. Скорее, оно движется скачками, от одного “сустава” к другому»* [5, с. 813]. Стоит отметить, что лучшим переводом для вышеприведенного отрывка историк считает дословный – *«Время вывихнулось, и мне, — о проклятье, — надлежит его вправить!»* [5, с. 813]. Анатомический аналог с «вывихом» более близок к сути высказывания Гамлета, намеревающегося убрать с трона узурпатора, дабы восстановить законный, сакральный порядок смены власти. Итак, в понимании А.Я. Гуревича главное при переводе любого литературного произведения средневековья — уяснить точный смысл словесных формулировок, под которыми скрывались архаичные обычаи, ритуалы, представления, элементы «картины мира». Этот смысл художественного произведения при переводе не должен быть упущен даже с целью приближения текста к художественному восприятию читателя.

Общепризнанно, что перевод Корнеева с точки зрения художественного стиля и поэтической ритмики удовлетворителен, но А.Я. Гуревич считает его по ряду моментов неудачным: переводчик фактически вырывает произведение из контекста времени, не проникает в мировоззренческие установки автора, которые проецируются на героев. Игнорируется «картина мира» средневекового общества, поскольку семантические конструкции текста передаются в адаптированном к современным представлениям виде. Аргументы историка заставляют заключить, что для понимания «несловарных» обстоятельств эпохи и их прорисовок в переводе очень важно творческое содружество

переводчика и специалиста-медиевиста, «тандем», результатом которого текст стал бы «зеркалом» и образом эпохи.

В контексте творчества Гуревича основной критерий перевода – понимание «текста», «диалог» читателя с автором, попытка разобраться в том, каким видел мир средневековый писатель. В методологии А.Я. Гуревича один из главных компонентов – предельное внимание к ментальности носителей «текста», его создателей.

Список литературы

1. Арнаутова Ю.Е. *Munuscula*. К 80-ю А. Я. Гуревича / Сост. Ю. Е. Арнаутова. М., 2004.
2. Баткин Л. М. О том, как А. Я. Гуревич возделывал свой аллод // *Одиссей. Человек в истории: Картина мира в народном и ученом сознании*. М., 1994. С. 5–29.
3. Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах. Пер. В. Тихомирова, А. Корсуна, Ю. Корнеева; комм. О. Смирницкой, М. Стеблин-Каменского, А. Гуревича. М., 1975.
4. Бжезинска А. Средневековье Арона Гуревича в свете исторической семантики // *Образы прошлого. Сборник памяти А. Я. Гуревича*. М., 2011. С. 82–106.
5. Гуревич А.Я. «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя // *История – нескончаемый спор*. М., 2006. С. 796–821.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // *Избранные труды*. Т. 2: *Средневековый мир*. М.; СПб.: 1999.
7. Гуревич А.Я. Пространственно-временной континуум «Песни о Нибелунгах» // *История – нескончаемый спор*. М. 2006., С. 276–314.
8. Гуревич А.Я. Средневековая литература и ее современное восприятие: о переводе «Песни о Нибелунгах» // *История – нескончаемый спор*. М. 2006. С. 118–138.
9. Кром М.М. Гуревич и антропологический поворот в исторической науке // *Новое литературное обозрение*. М., 2006. № 81. С. 221–228.
10. Ле Гофф Ж. Дань уважения Арону Гуревичу // *Образы прошлого. Сборник памяти А.Я. Гуревича*. С. 39–42.
11. Лучицкая С.И. Наследие историка и человека // *Общественные науки и современность*. 2007. № 3. С. 68–83.
12. *Образы прошлого. Сборник памяти А. Я. Гуревича*. СПб., 2011.
13. *Песнь о Нибелунгах*. СПб., 2012.
14. Савчук В.С. Мои «встречи» с А.Я. Гуревичем // *Cogito*. Ростов-на-Дону, 2006. С. 424–437.
15. Стеблин-Каменский М. И. *Культура Исландии*. Л., 1967.

16. Шекспир У. Гамлет. М., 1965.
17. Шекспир У. Гамлет // Трагедии. М., 2014.
18. Шмитт Ж-К. Диалог Арона Гуревича с «Анналами» // Образы прошлого. Сборник памяти А. Я. Гуревича. С. 42–57.
19. Das Nibelungenlied. Leipzig, 1827.
20. Das Nibelungenlied. Wiesbaden, 1988.
21. Saluting Aron Gurevich. Essays in History, Literature and Other Related Subjects. Boston. 2010.
22. Shakespeare W. Hamlet, prince of Denmark. СПб., 2010.
23. Scholze-Irrlitz L. Moderne Konturen historischer Anthropologie. Eine vergleichende Studie zu den Arbeiten von Jacques Le Goff und Aaron J. Gurjewitsch. Frankfurt, 1994.

Рецензенты:

Михель Д.В., д.филол.н., профессор кафедры «Социология, социальная антропология и социальная работа» Саратовского государственного университета им. Ю.А. Гагарина, г. Саратов;

Парфёнов В.Н., д.и.н., профессор кафедры «История отечества и культуры» Саратовского государственного университета им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов.